

От автора

В русской военной истории, богатой на значимые события, не так уж и много сражений, которые по праву могут быть названы судьбоносными — и не только для собственно России, но и для сопредельных стран. Традиционно к ним относят несколько битв — на реке Калке в 1223 г., Ледовое побоище 1242 г., знаменитое «Мамаево побоище, иже на Дону», вошедшее в историю как Куликовская битва 1380 г., Полтавская «виктория» 1709 г. Само собой, в этот список входит и Бородинская битва 1812 г., и это если не называть сражений Новейшего времени — минувшего XX века.

На этом фоне как-то незаметно выглядит многодневное сражение, развернувшееся на южных подступах к Москве летом 1572 г., завершающий этап которого пришелся на бои под подмосковным селом Молоди (отсюда и название, которое мы будем дальше использовать для именования всей этой эпопеи — «Молодинская кампания»). События этого лета, по существу, подвели итог растянувшейся на четверть столетия войны между Иваном Грозным и его «братом», крымским царем

6 (крымского хана в русских летописях и дипломатической переписке именовали «царем», будем и мы дальше называть его так же) Девлет-Гиреем I (почему эту необъявленную войну и можно назвать «Войной двух царей»).

В ходе этой кампании по большому счету решался не только исход этого противоборства, истоки которого уходят в самое начало XVI в. Нет, главным, поистине царским призом в ней было, говоря откровенно, золотоордынское наследство. А наследство это состояло не только и не столько в том, кто будет владеть землями, ранее входившими в состав распавшейся, почитай, за полтораста лет до этого события Золотой Орды, сколько в том, к кому перейдет политическое доминирование в Восточной Европе. Из четырех претендентов на имперскую корону два, Большая Орда и Великое княжество Литовское, выбыли практически сразу. Результат же противостояния двух оставшихся, Русского государства и Крымского ханства, разрешился спустя много лет.

Увы, несмотря на столь значимый результат Молодинской кампании (подчеркнем это еще раз, поскольку сводить события, развернувшиеся летом 1572 г., в одно сражение было бы неправильно), она так и не заняла надлежащего ей места в русской истории. Нет, конечно, нельзя заявить, чтобы она совсем уж проходила по разряду «неизвестных сражений забытой войны», но и обратного по отношению к ней сказать тоже нельзя. Связано ли это с тем, что

сам исход сражения отнюдь не представлялся современникам столь уж очевидным, как для нас сегодня? Или же «второсортность» Молодинской кампании на фоне других событий русской военной истории раннего Нового времени определяется состоянием источниковой базы? А может, битва при Молодях — действительно незначительный эпизод военной истории времен Ивана Грозного в сравнении с такими грандиозными и эпохальными событиями, как третья Казань 1552 г. и Полоцкий поход 1562/63 г.?

На эти вопросы нельзя ответить однозначно ни да, ни нет. Конечно, по размаху и количеству вовлеченных в нее сил (с русской стороны прежде всего) Молодинская кампания безусловно уступает 3-му Казанскому или Полоцкому походам — две последних военных экспедиции, вне всякого сомнения, относятся к числу крупнейших военных предприятий не только эпохи Ивана Грозного, но и вообще русского «долгого XVI века» (растянувшегося с середины XV по середину XVII вв.). Однако среди данных русскими ратями сражений этого периода Молоди, вне всякого сомнения, может быть отнесена к разряду крупнейших, если не самой крупной, битв. И это если не сказать о том, что она по праву может считаться самой продолжительной по времени.

Если взять источники, то и здесь все далеко не так однозначно, как может показаться на первый взгляд. Пожалуй, в этом отношении Молодинская кампания уступает только

Полоцкому походу, и то ненамного, и уж точно превосходит если не по количеству, то по качеству источники о взятии Казани в 1552 г. Редкий случай для войн, которые вели русские в XVI веке, — до нас дошли не только литературные произведения, повествующие о Молодинской кампании, разрядные записи официального и частного характера, но и обрывки разрядной документации, в том числе и самый важный ее фрагмент, а именно наказ, который получил на руки большой воевода князь М. И. Воротынский перед началом кампании. Этот наказ позволяет судить о стратегических планах русского командования, задачах, которые были поставлены перед ратью князя Воротынского, и способах, посредством которых эти задачи должны были быть решены. При этом сохранность комплекса источников такова, что позволяет реконструировать достаточно подробно картину событий лета 1572 г. не только по дням, но порой даже и по часам.

Была ли Молодинская победа эффектной, громкой, бесспорным триумфом русских ратей, как те же Казанская или Полоцкая победы? Успехом — да, но вот громким ли? Во всяком случае, его нельзя сравнить с победой, которую одержали русские полки над крымской же ратью летом 1591 г. под стенами Москвы — тогда татары действительно потерпели серьезное поражение, чуть ли не катастрофу (во всяком случае, именно так можно интерпретировать сообщения русских воевод и дипломатов, если

воспринять их некритически). Но ничего подобного в 1572 г. не случилось. Русские в буквальном смысле слова пересидели татар в укрепленном лагере (и как тут не вспомнить слова русского философа Г. П. Федотова, который писал, что «в татарской школе, на московской службе выковался особый тип русского человека — московский тип, исторически самый крепкий и устойчивый из всех сменяющихся образов русского национального лица... что поражает в нем прежде всего, <...> это его крепость, выносливость, необычайная сила сопротивления. Без громких военных подвигов, даже без всякого воинского духа — в Москве угасла киевская поэзия военной доблести, — одним нечеловеческим трудом, выдержкой, более потом, чем кровью, создал москвитянин свою чудовищную империю. В этом пассивном героизме, неисчерпаемой способности к жертвам была всегда главная сила русского солдата». Вот и при Молодях, пересидев неприятеля и отбив его попытки взять приступом укрепленный русский лагерь, воеводы и ратники Ивана Грозного поймали противника в неудобный для него момент, когда очередной штурм русского лагеря сорвался.

Однако, похоже, что не эти неудачи и не поражение в последней попытке взять русский вагенбург повлияли на решение Девлет-Гирея отступить и повернуть коней домой, в Крым, а потери в командном составе, ропот в татарском войске (в особенности среди ногаев, присоединившихся к походу в расчете на большую

10 и легкую добычу — крымская пропаганда здесь сыграла против самих крымцев), слухи о том, что Иван Грозный с большой ратью идет с севера на помощь своей столице, и в особенности проблемы со снабжением. И, судя по тому, что на следующий год русские полки снова выстроились на берегу в ожидании непрошенных гостей с юга, в Москве на первых порах отнюдь не обольщались относительно размера одержанной победы — крымский царь сумел отступить в относительном порядке, сохранив свои силы. Истинный размер одержанной в августе 1572 г. победы стал ясен позднее, хотя понимание важности одержанного успеха у Ивана Грозного и его советников сложилось вскоре после завершения кампании — свидетельством тому могут служить переменявшиеся тон и роли в переговорах между двумя царями, русским и крымским.

Но если эти ответы на заданные вопросы не подходят, может, стоит искать ответ в другой плоскости? Можно ли предположить, что «незнаменитость» Молодинской битвы связана с тем, что сражение это случилось не в самые лучшие и славные годы правления Ивана Грозного и оказалось в густой тени, которую отбрасывает на русскую историю учрежденная им опричнина и так называемый «опричный террор» (размах которого, впрочем, изрядно преувеличен современниками и последующими поколениями историков)? Осмелимся высказать крамольную в известном смысле идею — в строгом соответствии с концепцией

«двух Иванов», сформулированной князем А. М. Курбским и принятой впоследствии на вооружение российской, и не только, историографией, во второй, «опричной», части правления первого русского царя не могло быть по определению никаких свершений и побед. Молодинский успех в эту схему никак не вписывался и потому был задвинут на второй план.

А зря! Одержанный в сложнейших условиях острого социально-экономического и политического кризиса, вызванного объективными причинами (здесь стоит напомнить о сильнейшем голоде и эпидемии чумы, которые волнами накатывались и терзали русскую землю с 1566/67 гг.), после майской катастрофы 1571 г., когда татары нанесли поражение русским войскам на окраинах Москвы и сожгли русскую столицу, он может показаться чудом.

Однако чудо это рукотворное — победа при Молодях стала результатом упорного, напряженного труда московских властей по мобилизации ресурсов страны, изрядно пострадавшей от мора и голода и к тому же безмерно уставшей от войны, которая «безперестани» шла с 1545 г. Одержав громкую победу в мае 1571 г., возгордившийся крымский царь решил, что исход долгого противостояния между Москвой и Бахчисараем уже решен, и поход, предпринятый в следующем году, должен был довести начатое дело до конца.

Нет, речь не шла о том, что в русской земле был бы установлен режим прямого правления

- 12 Девлет-Гирея, в главных русских городах были бы посажены татарские наместники и тем самым было бы восстановлено ордынское иго в новой, крымской, редакции. Однако обложить Русское государство регулярной данью вместо подарков-поминков, посылаемых от случая к случаю, — недаром Девлет-Гирей похвалялся после похода 1571 г, что «яз деи деда своего и прадеда ныне зделал лутчи»¹, имея в виду успех Мухаммед-Гирея I 1521 г., когда хан после одержанной под Коломной победы вынудил московских бояр и крещеного татарского царевича Петра дать ему грамоту, согласно которой Василий III обязывался платить ему немалую «Магмет Кирееву дань» — естественно, такая задача перед ханом и его окружением стояла чуть ли не на первом плане.

Само собой, в случае успеха нового похода хана на Москву Казань и Астрахань попали бы под крымский протекторат, равно как и Ногайская Орда. И еще Москва была бы вынуждена отказаться от начатой было экспансии на Кавказе, что, кстати говоря, вызывало серьезное недовольство в Крыму. И тогда сбился бы мучивший Ивана Грозного «le cauchemar des coalitions», о котором он писал Девлет-Гирею в ответ на требование передать ему, крымскому царю, Казань и Астрахань: «И Казани и Асторохани — как таких дву государств

---

¹ Посольская книга по связям Московского государства с Крымом. 1571–1577 гг. М., 2016. С. 146.

поступить: ныне одна сабля — Крым, а тогда другая сабля будет — Казаньская земля, третья сабля — Астороханьская, четвертая — Нагаи. А толко Литва не помирится — ино пята сабля будет...» Победив рать Ивана Грозного при Молодях, крымский царь вполне мог рассчитывать, что на пути к завершению крымского имперского проекта сделан решающий шаг и довести начатое дедом (Менгли-Гиреем I) великое дело — дело техники. И история Восточной Европы пошла бы другим путем, чем тот, который случился в нашей реальности.

Но этого не произошло. Русское войско сумело устоять и отразить татарский натиск, вынудив Девлет-Гирея отступить и отказаться от реализации своих великодержавных планов. Пик могущества Крымского ханства был пройден, пусть в первые годы после поражения под Москвой это было еще совсем не очевидно. И хотя татарская угроза, нависавшая над русской землей, еще оставалась, самые сложные времена оказались позади. И в том, что этот успех был одержан, что произошло «чудо при Молодях», есть и немалый вклад самого Ивана Грозного. Да, царь лично не водил полки в бой и в кампании как будто не участвовал, якобы укрывшись (по мнению многих историков, писателей и бойких пером журналистов) в Новгороде (правда, мало кто пишет о том, с чем и с кем «укрылся» там царь и с какой целью). Однако вся подготовка к кампании проходила под его контролем и при деятельном участии, и, что еще важнее,

14

Иван сумел выиграть время, не пал духом после майской неудачи 1571 г., вызванной не-распорядительностью и ошибками воевод, и сумел «изволокитить» Девлет-Гирея. Обнадеживая хана намеками о готовности передать ему желаемое, Иван утопил своего крымского «брата» в словах, сам же в это время ковал оружие для нового раунда противостояния. И когда хан понял, что его обманули, было уже поздно — Русское государство было готово встретить непрошенных гостей надлежащим образом.

И еще один момент поставим в заслугу Ивану. Своим устранением от непосредственного участия в кампании на южном, крымском, фронте он полностью развязал руки воеводам развернутой по Оке (ее нередко именуют «береговой») рати, ибо есть все основания предположить, что в 1571 г. воеводы той же рати, ожидая прибытия государя, задержались с принятием адекватных мер по отражению татарского нашествия. Это промедление и стало одной из главных причин майской трагедии и пожара Москвы 1571 г. В 1572 г., действуя по ситуации, «смотря по тамошнему делу», не будучи связаны по рукам и ногам необходимостью ожидать распоряжений государя, князь М. И. Воротынский и его товарищи сумели должным образом распорядиться выделенными им силами и средствами и одолеть опасного неприятеля, изменив ход истории Восточной Европы.

Итак, победа при Молодях случилась не вопреки, а во многом благодаря Ивану Грозному,

его хитрости, уму, таланту и готовности пожертвовать своей репутацией и славой ради общего дела. Но мы не будем забывать и о том, что, как сказал в своей речи, обращаясь к дружине, воевода Борис Захарыч в 1181 г., «не княжи руки ратных побивают, но наши». Вся работа по подготовке к летней кампании 1572 г. могла пойти насмарку, если бы не воеводы, сотенные головы и рядовые ратники — дети боярские, стрельцы, казаки, пушкарки, собранные по разнарядке с городов и волостей даточные и посошные люди и иноземные наемники. Их трудами и лишениями, потом и кровью была завоевана эта победа. И не забудем дьяков и подьячих Разрядного приказа. Их служба и не опасна, и, на первый взгляд, как будто не видна. Однако без их организаторского опыта и кропотливой ежедневной работы по разработке плана кампании, наказов воеводам, подготовке и рассылке грамот о сборе ратных людей, заготовке провианта, фуража, амуниции и снаряжения, сбору денег на жалование ратным и посошным людям — да мало ли какие другие подобного рода проблемы возникают при подготовке к походу большого войска — успех Молодинской кампании был бы невозможен. Всем им, известным и неизвестным героям и участникам Молодинской эпопеи, посвящается эта небольшая книга.

Еще несколько слов о книге, прежде чем перейти к делу. К этой теме мы обратились давно, еще весной 2009 г., когда, задумав написать очерк о русско-крымском военном

- 16   противостоянии в XVI в., взялись за разработку истории Молодинской кампании как одного из важнейших, если не ключевого, его момента. Спустя год очерк был готов. В 2012 г. он увидел свет — в виде раздела в книге «Иван Грозный и Девлет-Гирей» и статьи в электронном военно-историческом журнале «История военного дела: исследования и источники». С тех пор прошло почти десять лет, стали доступны новые источники, появился ряд новых исследований, так или иначе касающихся темы Молодинской эпопеи, да и наш взгляд на отдельные аспекты этого эпохального, без преувеличения, события изменился. Одним словом, есть резон снова вернуться к проблеме и представить на суд читателей не то чтобы совсем уж новую точку зрения на события лета 1572 г., но, всяком случае, отредактированный заново с учетом накопленного за минувшие десять лет опыта. И, завершая это вступление, мы не можем не сказать слова благодарности Алексею Карачинскому, без которого этот проект не был бы реализован, и, естественно, нашей супруге Татьяне Пенской, неизменно поддерживавшей нас во всех начинаниях и обеспечивавшей надежный тыл. Ну а все недочеты и огрехи, которые любознательный читатель найдет в тексте, пусть будут, конечно, на совести автора, которому остается утешаться мудростью древних римлян — *Feci, quod potui, faciant meliora potentes!* («Я сделал все, что мог, кто может, пусть сделает лучше»).

Глава I

«А не сильная туча затучилась, А не силнии громы грянули: Куда идет собака Крымской царь?..»: Русско-крымское противостояние в первой половине XVI в.

Всякое событие в истории имеет свою предысторию, которая начинается задолго до того, как на подмостках исторического театра была сыграна описываемая историком драма. Так и в нашем случае — последовательности событий, скованных друг с другом одной цепью и приведших в конце концов к масштабному столкновению двух ратей, русской и крымской, на подмосковных полях и холмах летом 1572 г., было положено начало на заре XVI в. при жизни Ивана III и Менгли-Гирея I, дедов двух царей, Ивана IV и Девлет-Гирея I, главных действующих лиц молодинской истории.

Два события начала XVI столетия разом переменили всю политическую архитектуру Восточной Европы — распад в 1502 г. под грузом политических, социальных экономических и природных проблем Большой Орды, претендовавшей на политическое наследство почившей в Бозе полувеком ранее Золотой Орды, и смерть летом 1505 г. Ивана III.

18 Для хрупкой постордынской политической системы, основывавшейся на противостоянии двух блоков, литовско-ордынского и московско-крымского, два этих события оказались роковыми, и она рассыпалась. Слабеющее Великое княжество Литовское, пытавшееся, опираясь на Большую Орду хана Ахмеда и его преемников, противостоять молодому Русскому государству, оказалось один на один, без друзей и союзников, с агрессивно настроенной Москвой, претендовавшей на «наследство Ярослава Мудрого». Крымский же хан Менгли-Гирей, оглядевшись по сторонам, поднял валявшийся на земле царский венец и, примерив его, пришел к выводу, что венец этот ему и к лицу, и в самую пору: «Если не я, то кто же должен стать новым татарским царем?»

Прочно усевшись на крымском столе и прибрав к рукам многие большеордынские улусы, бежавшие от неудачливого Шейх-Ахмеда, последнего царя Большой Орды, крымский хан почувствовал в себе силы побороться за доминирование в Восточной Европе. Подчинив своей воле остальные татарские юрты, возникшие на руинах Золотой Орды, Казань, Астрахань и «самовольную» Ногайскую Орду, Менгли-Гирей тем самым становился во главе постордынского татарского мира, а дальше...

А дальше перед взорами Менгли-Гирея, его сына и наследника-калги Мухаммед-Гирея и крымской аристократии, жадною до

царских милостей толпою собравшейся вокруг ханского седалища, возникал мираж Takht Memleketi, «Престольной державы», в которую превращался Крым как глава «Великой Орды», со всеми вытекающими отсюда последствиями, политическими и сугубо материальными. Однако в этих изменившихся условиях союз с Москвой только мешал Менгли-Гирею. Сильный союзник, который к тому же имел свое мнение относительно того, как должны были развиваться события в Восточной Европе дальше, и мог настоять на этом мнении, не только не был больше нужен, но и становился тормозом на пути реализации крымского имперского проекта. Вряд ли в Бахчисарае сомневались в том, что претензии Крыма на новый статус обрадуют Москву и она с радостью согласится с тем, что ей суждено играть в крымской упряжке роль пристяжной наравне с той же Казанью или Астраханью. Следовательно, ее нужно было принудить к этому. Но попытка оказать давление на надменного московского государя неизбежно вела к конфликту с ним и разрыву русско-крымского союза. Вопрос заключался лишь в том, когда и при каких обстоятельствах это произойдет.

Правда, на первых порах Менгли-Гирей и сменивший его на царском троне Мухаммед-Гирей I не торопились, однако, немедленно рвать отношения с Москвой и по первому зову великого литовского князя садиться

в седло и вести свои рати на Русь. Нет, тащить каштаны из огня ради того, чтобы сделать приятное своему новоявленному литовскому «брату» они вовсе не собирались. Но сыграть на противоречиях Вильно и Москвы, получить от них богатые подарки-поминки, которые в Крыму воспринимали как дань и символ зависимости и вассального статуса московского и литовского государей по отношению к крымским царям, одновременно посылая в набеги на Литву и на Русь царевичей, «князей» и мурз (набеги эти выступали в первую очередь инструментом большой политики, средством оказания политического давления на московского и литовского «братьев» с тем, чтобы их ухо оказывалось более чутким к царскому слову) и в конечном итоге заставить Москву и Литву работать в интересах «Великой Орды» — почему бы и нет? В конце концов, добрым словом и набегами можно добиться значительно большего, чем просто добрым словом. Отсюда и неопределенность политического курса Бахчисарая в 1505–1520 гг. Попеременно то обнадеживая Москву и Вильно своей готовностью заключить союз, в обмен на поминки, естественно, то посылая свои рати в набеги на земли, подвластные литовскому и московскому государям, Бахчисарай неуклонно гнул свою линию по собиранию татарских юртов под свою высокую руку. Мухаммед-Гирей, еще будучи наследником-калгой, три-

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru